

Через годы, через расстояния

НА СНИМКЕ: снова вместе боевые друзья.

В операционной резко пахло эфиром, — значит, операция уже началась. Когда Герасим Иванович впервые попал в операционную, его поразила белизна. Белые халаты, белые простыни, белый стол, сверкающие инструменты — все это, ярко освещенное лучами рефлекторов, вызывало ощущение первого снега. Вспомнилось далекое детство, утро и непривычный свет в доме. Он, босногим, подбегает к окну и видит первый снег, чистый и нежный, еще не тронутый. И на душе становится радостно, сердце учащенно бьется, хочется кричать и смеяться.

Вот и сейчас забилося сердце, и он невольно вдохнул полной грудью, будто и в самом деле вышел на улицу по первому снегу. Но как только приблизился к операционному столу, увидел сосредоточенные глаза старшей медсестры Ксении Тараненко и медсестры Любови Яковлевны (так ее называли раненые, несмотря на то, что была она почти девчонкой), красное, по-особому четкое пятно на белой простыне. Ощущение радости сменилось горьким чувством: на операционном столе, под простынями, лежал юноша. Некрытыми были лицо и тонкие, словно неживые, руки.

— Земляк ваш, Герасим Иваныч, — сказала Люба,

снимая зажимы. — Утром его привезли. Совсем был плох, на операцию не решались.

...Возможно, начальник госпиталя и забыл бы об этом эпизоде: ведь сюда, в хирургический полевой подвижной госпиталь при действующей 46 армии I Украинского фронта, ежедневно доставлялись сотни раненых. Но как-то раз, месяца два спустя, его срочно вызвали в барак для выздоравливающих. Он сразу же узнал юношу, которого видел в операционной.

Парень стоял перед столом, за которым сидели люди в белых халатах, и насупившись, по-детски обиженно сжав губы, смотрел на них.

— Никуда я не поеду, не имеете права... — упрямо повторял он.

— Вот, товарищ начальник, полюбуйтесь, — устало сказал главный хирург. — Битый час объясняем ему, что к строевой он не пригоден и на фронте ему не бывать. А он уперся. Не поеду, говорит, в тыл, и все тут.

— Кто такой? — спросил Герасим Иванович.

— Старший сержант Степан Паповян, — вытянувшись по-военному и с надеждой посмотрев на начальника, выпалил юноша.

— Останешься при госпитале, займешься нашим хозяйством. Согласен?

— Так точно, — уныло, без всякого энтузиазма ответил старший сержант.

Медленно тянулись месяцы войны. Но в суровых буднях госпиталя время обрело иные измерения. Здесь каждый час, каждую минуту шла борьба за жизнь человека, за его будущее. Слово «самоотверженность» произносилось редко. Никто не усматривал героизма, например, в донорстве. То, что кровь сдавал каждый работник госпиталя, считалось само собой разумеющимся.

У людей, работающих в госпитале, были свои радости и свои маленькие праздники. Здесь рождались и по-настоящему искренняя дружба, и большая любовь. Была даже свадьба, очень скромная, но все-таки свадьба. Любовь Яковлевна вышла замуж за Степана Никитича (так стали называть сотрудники старшего сержанта за не по годам солидный характер).

...Вхожу в просторный, смотрящий окнами на живописное Разданское ущелье, кабинет директора НИИ курортологии и физиотерапии Герасима Ивановича Агаджаняна.

— Присаживайтесь, — указывая на кресло, говорит профессор. — Степа должен скоро подойти.

Минуту спустя открывается дверь. Широким, размашистым шагом к нам подходит высокий мужчина с крупными, чуть грубоватыми чертами лица.

— Познакомьтесь, — говорит Герасим Иванович, — главный врач больницы IV управления Степан Никитич Паповян.

...После войны, которая кончилась для работников госпиталя на границе Австрии и Чехословакии, уже дома, в Ереване, снова встретились фронтовые друзья Степан Паповян и Герасим Агаджанян.

Минуло всего несколько месяцев после дня Победы. И когда стал вопрос о выборе мирной специальности, бывший старший сержант пришел за советом к Агаджаняну.

— Пойдешь учиться в медицинский, — как о чем-то уже решенном сказал Ге-

расим Иванович. — Согласен?

— Так точно, — ответил старший сержант, улыбувшись, шутливо прикладывая руку к виску, и продолжил уже серьезно.

— А смогу? Ведь сколько лет после школы прошло, многое позабыл уже.

— Сможешь. Да и я помогу.

Закончил Степан Паповян институт с красным дипломом отличника. И теперь уже Герасим Иванович обращается к нему не иначе как «коллега», да и сам иной раз просит совета, помощи.

...Недавно в Ереван пришло письмо от красных следопытов Елизаветской средней школы Днепропетровской области.

«Уважаемый Герасим Иванович, — писали ребята, — мы разыскиваем бывшего сотрудников госпиталя, который в дни войны находился в нашем селе. Хотим организовать у нас встречу ветеранов госпиталя. Приезжайте».

Они поехали вчетвером: бывший начальник госпиталя, Степан Никитич, Любовь Яковлевна и старшая медсестра Вартуш Маркарян. Герасим Иванович рассказывает об этой встрече едва сдерживая волнение.

— Трудно передать, какой радостной была для всех нас эта встреча. Ведь за 32 года мы увиделись впервые. Сколько было и слез, и ликования. Мы очень признательны школьникам и администрации колхоза села, сумевших организовать эту встречу.

Герасим Иванович достает из стола пухлую, изрядно пожелтевшую от времени рукопись.

— Здесь вся история нашего госпиталя, — говорит он. — Начал я работать над книгой давно, сразу же после войны, но закончить никак не удавалось. Теперь думаю возобновить работу. Надо будет и материалы дополнительно собрать, и переписку расширить. Буду работать вместе со Степой, — говорит, как о уже решенном. — Согласен? — обращается к нему.

— Так точно, — улыбаясь отвечает Степан Никитич. Сур. АРУТЮНЯН.